

УДК 316.4

DOI 10.23683/2227-8656.2017.3.5

**ИНТЕНЦИЯ ДЕРЖАВНОГО
ВЕЛИЧИЯ В ПОЛИТИКО-
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ
ДОКТРИНАХ И ПРАКТИКАХ
РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ
ИНЕРЦИОННОСТИ**

**THE INTENSE OF HOLDING
GREATNESS IN POLITICAL
AND IDEOLOGICAL
DOCTRINES AND PRACTICE
OF RUSSIAN ELITE IN THE
CONTEXT OF SOCIAL
INERTIALITY**

Гнатюк Максим Александрович

Кандидат социологических наук,
преподаватель,
Самарский государственный университет
путей сообщения,
г. Самара,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Maxim A. Gnatyuk

Candidate of Sociological Sciences,
Teacher,
Samara State
Transport University,
Samara,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Сложности социальной трансформации привели к тому, что российская власть, осознав свои новые интересы и ценности, стала эволюционировать в направлении неодержавности и политического авторитаризма. Стержневой идеей, вокруг которой концентрируются разнообразные идеологические программы, становится идея великой России и ее восстановления. Державное величие неизменно смыкается с идеей сильного государства как своего рода сверхустановкой, главным идеологическим «хитом» российской неономенклатуры, когда сильное государство рассматривается как самоценность, что органично сочетается с социально-психологической средой бюрократического всевластия.

The complexities of social transformation led to the fact that Russian government, implementing its new interests and values, began to evolve in the direction of neoholding and political authoritarianism. The core idea of various ideological programs is "great Russia" and its restoration. Holding greatness invariably merges with the idea of a strong state as a sort of superstition, the main ideological "hit" of the Russian neo-nomenclature, when a strong state is viewed as a self-worth, which organically combines with social and psychological ambience of bureaucratic omnipotence.

Ключевые слова: интенция державного величия, социальная инерция, социальность, политико-идеологические доктрины, геополитическая риторика.

Keywords: the intense of holding greatness, social inertia, sociality, political and ideological doctrines, geopolitical rhetoric.

Введение

Социальная инерция (инерционность) как концепт социально-философского дискурса и как социокультурный феномен предполагает единство индивидуально-идентификационного и социально-практического модусов-измерений. В итоге проблема социальной инерции в ее разнообразных воплощениях и конфигурациях оказывается одной из наиболее знаковых в понимании механизмов российской социокультурной трансформации.

Инерционность всякой динамической системы проявляет себя в скорости протекания отклика (реакции) на определенное воздействие. В любом обществе, думающем о себе, сосуществуют разные проекты будущего.

Перевод и адаптация идей и ценностных установок становятся особенно значимыми в ситуации, когда заимствованные идеи и ценности формируют цели и идеологическое обоснование реформирования. Иницилируемые властными структурами и политической элитой преобразования ускоряют взаимодействие традиции и инновации, делают его более весомым фактором общественной эволюции [1]. В итоге речь приходится вести не только о политической, но и об интеллектуальной элите.

С течением времени движение мысли правящих верхов и обслуживающей власть интеллектуальной элиты приходит к идее воссоздания сверхдержавы и империи, подвергая сомнению демократическую перспективу России. Когда политическая элита начинает всерьез уповать на воссоздание сверхдержавы и империи, оживают сознательные и бессознательные страхи и комплексы.

Известный отечественный историк В.П. Булдаков недаром обращает внимание на необходимость переосмысления феномена российского имперства – «уникальной сложноорганизованной этносоциальной и территориально-хозяйственной системы реликтового патерналистского («большая семья») типа. Российская имперская иерархия, в отличие от индустриальных империй недавнего прошлого и потребительских квазиимперий настоящего, закреплялась не на базе формального права, индивидуальной собственности и гражданского законопо-

слушания, а на веревках низов в “свою” власть, подобно дирижеру использующую все социальные слои в интересах всеобщей гармонии» [2].

**Державное величие в политико-идеологических доктринах
и практиках российской элиты в контексте социальной
инерционности: интенции неотрадиционализма**

Интенция державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты в контексте социальной инерционности накладывается на интенции неотрадиционализма.

Л.Д. Гудков исходит из того, что неотрадиционализм все более отчетливо увязывается с идеей возрождения России, антизападничеством, изоляционизмом и, соответственно, восстановлением образа врага, а также с консервацией заниженных представлений о человеке и социальной реальности. Быстрое разрастание значимости таких представлений – признак деградации элиты, ориентирующейся на самые расхожие и массовые мнения и взгляды в рамках заигрывания с «электоратом», под которым подразумевается даже не большинство населения, а только самые зависимые и наименее защищенные в социальном плане его категории [3].

Уже начальные годы становления постсоветской России актуализировали идеологическое обоснование стратегического вектора общественно-политических и социально-экономических перемен. Набирали силу политические технологии формирования позитивного образа рынка, рыночных отношений, частной собственности, других базовых институтов и ценностей современности. Невозможность одновременно сохранить несомненные социальные завоевания социализма в виде бесплатного образования и здравоохранения, а также гарантированного трудоустройства с внедрением либеральных рыночных принципов хозяйствования, основанных на минимальной роли государства, на приватизации общенародной собственности, большинством населения России не создавалась [4].

«За время реформ произошли две революции, – пишет А. Рубцов. – Сначала поменялся сам уклад жизни, и мы незаметно очутились в совершенно другой стране – с другими проблемами и возможностями, опасностями и перспективами, с другими правилами и инструментами выживания. Но в бытовой идеологии для многих все это еще долго оставалось чем-то случайным и временным, ошибочным или просто преступным. Реформы состоялись физически, но не экзистенциально. Страна изменялась в эмоциональном надрыве, под стенания о гибели, развале и близкой катастрофе». Одни в этой иной реальности сумели найти себя; другие адаптировались; третьи вынуждены были смириться [5].

В подобной ситуации все более явно стержневой идеей, вокруг которой концентрировались разнообразные идеологические программы, становилась идея великой России и ее восстановления. Державное величие неизменно смыкается с идеей сильного государства – этой своего рода сверхустановкой, главным идеологическим «хитом» российской неономенклатуры, когда сильное государство рассматривается как самоценность, что органично ложится на социально-психологическую среду бюрократического всевластия.

На идею державного величия активно работала неономенклатура, сложившаяся как класс уже в начале 2000-х гг. В. Пастухов исходит из того, что на рубеже 2003–2004 гг. власть приступила к воссозданию советской номенклатуры, способной работать в новых исторических и социально-политических условиях. В итоге своими людьми оказалось буквально наспиговано всякое ведомство, в котором все чиновники оказались поделены на «черную» и «белую кость» [6].

Как считает историк И. Павлова, идея великодержавия зазвучала в России в середине 1990-х гг. и с тех пор целенаправленно внедряется в жизнь. Недавние шаги в этом направлении – предложение Всемирного русского народного собора, возглавляемого патриархом Кириллом, законодательно запретить пересмотр итогов Великой Отечественной войны, возрождение по инициативе тогдашнего председателя Госдумы С. Нарышкина Российского исторического общества для борьбы с фальсификациями истории и подготовка единого учебника по российской истории. Потерпев поражение в холодной войне с Западом, спецслужбы России ни в коей мере не отказались от идеи реванша [7].

В подобной обстановке идея прошлого начинает играть все более заметную роль. Ее эмпирическое содержание переводится в многообразные доктрины и сценарии. Имперская тема становится одной из актуальных в сегодняшней России, что связано с неизжитыми советскими амбициями и с чувством государственной ущемленности.

Интенции державного величия в геополитической риторике

Интенции державного величия явно проявляются и в геополитической риторике. При этом власти большое внимание уделяют развитию, закреплению и продвижению положительного имиджа России на мировой арене, что для них является фактором социальной консолидации вокруг определенных ценностей, инструментом защиты национальных интересов, средством усиления национальной гордости [8].

Сотрудники фонда «Общественное мнение» провели социологический опрос относительно темы «Образ России в мире». Результаты исследования показали, что большинство респондентов изъявили же-

лание, чтобы в мире Россию видели как сильную и великую, могучую, непобедимую, несокрушимую, мощную мировую державу (48 %). На второй позиции оказалось желание опрошенных, связанное с тем, чтобы Россия виделась как богатая и процветающая (22 %). Для 6 % респондентов важно, чтобы страна воспринималась как образованная, цивилизованная и культурная, а также в качестве оплота нравственности.

Многие опрошенные исходили из того, что «Российское государство стало более сильным». «В мире поняли, что с Россией приходится считаться из-за военной силы – мы носители военной мощи». «Нас стали бояться», или «деятельность Путина поднимает престиж России». Однако часть респондентов считают: «мы стали слабее всех, нас не воспринимают как государство». «Нас нигде не принимают как великую державу», «нас уже не уважают», «сейчас с Россией не считаются».

Статус страны в мире респонденты определяли категориями военной или экономической мощи. Лишь 1 % респондентов хотели бы видеть нашу страну государством, где соблюдаются законы, или демократической страной. Получается, что ценность сильного и мощного в военном отношении государства для большинства опрошенных значительно выше, чем гражданские и демократические ценности. Многие уверены, что Россия восстановила статус великой державы [9].

Инерция державного величия России на уровне повседневной реальности

Инерция державного величия на уровне повседневности причудливо соединяется с разочарованием перед лицом социальных неурядиц и экономических провалов, что вызывает рост у населения ностальгических настроений, тоски по прошлому.

Согласно данным общероссийских опросов, от 40 до 60 % респондентов страны в разных формах хотят, чтобы Советский Союз возродился. Представители старшего поколения (54 % опрошенных) «золотым веком» (когда простым людям жилось лучше всего) считают годы, когда страной руководил Л.И. Брежнев. При этом горбачевский и ельцинский периоды лидируют по негативным оценкам во всех возрастных категориях, что свидетельствует о низком уровне социально-психологического самочувствия общества [10].

И это неудивительно, если учесть, что реалии современного российского общества не соответствуют демократическому алгоритму развития, которому, как предполагалось в период разрушения советского социально-политического порядка, должна была следовать Россия, и осознание этого становится усиливающим ностальгические настроения и тенденции в обществе.

Многие аналитики отмечали, что в нынешней России сама по себе политика из конкурентной демократической практики с непредсказуемым итогом превратилась в квазиполитику. По большому счету политика как совокупность гражданско-правовых практик перестает существовать.

Суть политических изменений с 2000 г. обозначалась как ослабление всех конституционных демократических институтов: обеих палат парламента, политических партий, правительства, средств массовой информации и других с последующей заменой их субститутами, в роли которых выступают президентская администрация, различные советы при президенте, полпреды и другие институции. В отличие от полноценной партийной системы, отношения между партиями и властью стали носить перевернутый характер.

Жизненные тяготы ведут к тому, что порядок и стабильность ассоциируются в массовом сознании с советским временем. Власть все более активно использует имперские символы и механизмы социальной и ментальной идентификации. Возвращена музыка советского гимна, звучат призывы переименовать Волгоград в Сталинград, возобновлены споры о возвращении памятника Дзержинскому на Лубяnsкую площадь – так имперское переплетается с советским, а советское – с социалистическим [10].

Ностальгия сопровождается ростом антизападничества как комплекса идей, взятых в определенном общественно-историческом контексте, что в России имеет долгую историю. О.Ю. Малинова исходит из того, что главную доминанту образа Запада в подходах современных антизападников представляется возможным определить как «Запад – это *враждебный нам другой*». Соответственно, Запад предстает как сила, *посягающая на нашу идентичность* [11].

Характеризуя современный дискурс антизападничества, историк И. Павлова обращает внимание на то, что антизападничество и великодержавие – гораздо более артикулированные и агрессивные, чем во времена холодной войны. Преодоление сталинского великодержавия – вот самая главная проблема для российских либералов. Сталинская идея великодержавия, как никакая другая, созвучна подавляющему большинству российского населения. Более того, она укоренена в его сознании, это основа его представлений об окружающем мире. Эта идея созвучна и подавляющему большинству либеральной общественности, которая выступает сегодня против Путина в политике. Против Путина – да, но не против оснований самой этой политики [7].

Заключение

Таким образом, сложности социальной трансформации привели к тому, что российская власть, осознав свои новые интересы и ценности, стала эволюционировать в направлении неодержавности и политического авторитаризма. Любая власть нуждается в историческом фундаменте для собственной легитимации и мобилизации массовой политической поддержки. Движение мысли правящих верхов и обслуживающей власть интеллектуальной элиты приводит к идее воссоздания сверхдержавы и империи, подвергая тем самым сомнению демократическую перспективу новой России. Интенции режима базировались на настроениях в обществе с его тоской по порядку, опирались на системы представлений, которые отражали глубинные характеристики культурно-исторической традиции.

Литература

1. Тимофеев Д.В. Исследовательские модели изучения истории российского либерализма первой четверти XIX века: история и перспективы [Электронный ресурс]. URL: //www.csu.ru/ (дата обращения: 23.08.2015).
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997. С. 341.
3. Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. 2002. № 3.
4. Головченко В.И. Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009.
5. Рубцов А. Призрак свободы. Путинская Россия между либеральным и неототалитарными проектами // Знамя. 2001. № 1.
6. Пастухов В. Взлет и падение государственного проекта Владимира Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2012/03/07/putin/> (дата обращения: 23.08.2015).
7. Павлова И. Идеология режима – агрессивное антизападничество и великодержавие [Электронный ресурс]. URL: <http://ehorussia.com/new/2012/05/23/> (дата обращения: 23.08.2015).

References

1. Timofeev D.V. Issledovatel'skie modeli izucheniya istorii rossiyskogo liberalizma pervoy chetverti XIX veka: istoriya i perspektivy [Elektronnyy resurs]. URL: //www.csu.ru/ (data obrashcheniya: 23.08.2015).
2. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. M. : ROSSPEN, 1997. P. 341.
3. Gudkov L. Russkiy neotraditsionalizm i soprotivlenie peremenam // Otechestvennye zapiski. 2002. № 3.
4. Golovchenko V.I. Partiyno-ideologicheskij faktor politicheskoy transformatsii sovremennoy Rossii : avtoref. diss. ... d-ra polit. nauk. Saratov, 2009.
5. Rubtsov A. Prizrak svobody. Putinskaya Rossiya mezhdru liberal'nym i neototalitarnym proektami // Znamya. 2001. № 1.
6. Pastukhov V. Vzlet i padenie gosudarstvennogo proekta Vladimira Putina [Elektronnyy resurs]. URL: <http://polit.ru/article/2012/03/07/putin/> (data obrashcheniya: 14.12.2016).
7. Pavlova I. Ideologiya rezhima – agresivnoe antizapadnichestvo i velikoderzhavie [Elektronnyy resurs]. URL: <http://ehorussia.com/new/2012/05/23/> (data obrashcheniya: 23.08.2015).

8. *Безотосный И.А.* Позитивный имидж России: конструирование и репрезентация символической социальной реальности. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2011. С. 98.

9. *Алексеева Т.* Россия в пространстве глобального восприятия [Электронный ресурс]. URL: www.intertrends.ru/005/ (дата обращения: 23.08.2015).

10. *Великая Н.* Зомби или революционеры? Политическая социализация молодежи в контексте исторического сознания [Электронный ресурс]. URL: polit.ru/2005/09/ (дата обращения: 23.08.2015).

11. *Малинова О.* «Долгий» дискурс о национальной самобытности и оппозиция западничества и антизападничества в постсоветской России // Русский национализм: социальный и культурный контекст / сост. М. Ларюэль. М. : НЛО, 2008. С. 244–245.

8. *Bezotosnyy I.A.* Pozitivnyy imidzh Rossii: konstruirovaniye i reprezentatsiya simvolicheskoy sotsial'noy real'nosti. Rostov n/D. : Izd-vo SKNTs VSh, 2011. P. 98.

9. *Alekseeva T.* Rossiya v prostranstve global'nogo vospriyatiya [Elektronnyy resurs]. URL: www.intertrends.ru/005/ (data obrashcheniya: 23.08.2015).

10. *Velikaya N.* Zombi ili revolyutsionery? Politicheskaya sotsializatsiya molodezhi v kontekste istoricheskogo soznaniya [Elektronnyy resurs]. URL: polit.ru/2005/09/ (data obrashcheniya: 23.08.2015).

11. *Malinova O.* «Dolgiy» diskurs o natsional'noy samobytnosti i oppozitsiya zapadnichestva i antizapadnichestva v postsovetskoy Rossii // Russkiy natsionalizm: sotsial'nyy i kul'turnyy kontekst / sost. M. Laryuel'. M. : NLO, 2008. P. 244-245.

Поступила в редакцию

5 апреля 2017 г.